

И. Н. Сухих

Русская литература для всех

От Гоголя до Чехова

**Классно
Чтени**

Игорь Николаевич Сухих
Русская литература для всех.
Классное чтение! От Гоголя до Чехова
Серия «Русская литература для
всех. Классное чтение!», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496622

*Русская литература для всех. Классное чтение! От Гоголя до Чехова: Издательская группа
«Лениздат», «Команда А»; СПб.; 2013
ISBN 978-5-4453-0053-3*

Аннотация

«Русская литература для всех. Классное чтение!» – это увлекательный рассказ об авторах и их произведениях. Это книга для тех, кто хочет ближе познакомиться с феноменом русской литературы, понять, что она значит в нашей жизни, почувствовать, какое влияние она оказывает на каждого из нас, и убедиться в том, что без нее мы были бы совершенно другие. Эту книгу могут читать родители вместе с детьми и дети вместе с родителями, а также каждый по отдельности. Она будет интересна и весьма полезна школьникам, студентам и просто жителям страны, чья литература входит в мировую сокровищницу культуры.

Под обложкой этой книги оказались: Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов и А. П. Чехов.

О них и об их произведениях рассказывает критик, литературовед, автор книг о русской литературе И. Н. Сухих.

СОН ОБЛОМОВА: ИДИЛЛИЯ ИЛИ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ?

«Обломов» начинался с опубликованного десятилетием раньше «Сна Обломова» (1849). Девятую главу первой части романа (единственную во всей книге имеющую самостоятельный заголовок) Гончаров считал важнейшей. «Мотив *погасания* есть господствующий в романе, ключом или увертюрой которому служит глава *Сон*» (П. Г. Ганзену, 30 августа 1878 г.).

В этой большой главе, фактически вставной повести (текст в тексте), нет почти ничего от воспроизведения логики настоящего сна. Сон Обломова принципиально отличается от иррациональных снов пушкинских героев: Гринева в «Капитанской дочке» или Татьяны в «Евгении Онегине».

Гончаровский сон связан с иной традицией. Сон может быть условной формой изображения прошлого или будущего, выражающей авторский идеал или, напротив, авторское предостережение (таковы «Четвертый сон Веры Павловны» в «Что делать?» Чернышевского или сон о трихинах в эпилоге «Преступления и наказания» Достоевского).

«Сон Обломова» можно прочесть с разных точек зрения, словно надев разные очки: для близоруких и дальнозорких.

В близком плане – это картина современной деревенской России, данная, как всегда у Гончарова, во множестве, часто юмористических, подробностей. Висит на краю обрыва (опять обрыва!) изба, в которой, однако, выросли уже три поколения. Тучами летают и жужжат в других избах мухи. Кузнец Тарас чуть не запарился в землянке (даже не в бане!) до смерти. Платят мужики, правда необременительные, подати и оброк и возят хлеб на ближайшую пристань на Волге.

Но подобные детали в обломовском сне сопровождаются множеством других. Та самая пристань на Волге была для крестьян, замечает повествователь, «их Колхидой и Геркулесовыми столбами». За Питером, по их представлениям, «живут французы или немцы, а далее уже начинались для них, как для древних, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак, и, наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю». Деревенская няня, пересказывающая Ильюше былины, сравнивается с Гомером, влагающим в детскую память «Илиаду русской жизни».

В этом «благословенном уголке земли», «чудном крае» «правильно и невозмутимо совершается годовой круг»: люди живут «такою полною, муравьиною жизнью» в гармонии с невозмутимой и обильной природой, питаются сказками и легендами и даже умирают так редко, что другие долго дивятся «такому необыкновенному случаю».

Надев очки для дальнозорких, мы увидим в «Сне Обломова» образ оставшегося в прошлом «золотого века», который люди всегда противопоставляют не удовлетворяющему их настоящему.

Обломовка – прекрасный заколдованный мир детской сказки, *русский Эдем*, в котором растут не виноград, не райские, а обыкновенные яблоки. «Жизнь есть сон», – назвал свою пьесу испанский драматург Кальдерон. Для Обломова сон и есть настоящая жизнь.

Культурологи часто противопоставляют *время мифа* и *историческое время*.

Мифологическое время имеет циклический характер, оно повторяется в соответствии со временами года и одновременно воспроизводит время предков. Человек включен в эти природные циклы. Он спокоен и счастлив, ощущая свою причастность к «вечному возвращению», жизни по заветам отцов и дедов. Таково до поры до времени и сознание ребенка.

Но «вечное» мифологическое время исторически конечно. Человечество неизбежно уходит из него, как неизбежно, в силу необратимого течения времени, человек расстается с детством и уходит во взрослую жизнь.

Историческое, «осевое» время разрушает время мифа. История имеет начало и конец. Она требует от человека сознательной деятельности. Исторический человек перестает жить «муравьиной жизнью». Он осознает свою уникальность, видит начало и конец собственной жизни и должен как-то примириться с идеей смерти.

«Сон Обломова» с настойчиво повторяющимися античными сравнениями и мифологическими ассоциациями, с этой точки зрения, и есть гончаровское изображение *мифологического времени и сознания*, которое герой с детским упрямством пытается, уже будучи взрослым, сохранить и в чиновном Петербурге, и в доме на Выборгской стороне.

Таким образом, «Сон Обломова» – это *сон-идиллия* и *сон-предостережение, сон-утопия «счастливого общества»* и *сон-антиутопия исторического застоя и бездействия*.

С такой же точки зрения можно взглянуть на главного героя романа Гончарова. Обломов может быть понят не только как *человек-обломок*, продукт русского крепостничества, но и как *вечный человек*, стремящийся к покою («На свете счастья нет, но есть покой и воля...»), к гармонической жизни, к идеалу, не удовлетворяющемуся любым наличным положением вещей.

Споры Обломова и Штольца в таком случае – противопоставление двух этапов исторического развития, *дискуссия человека мифологического с человеком историческим*.

«– Это не жизнь! – упрямо повторил Штолец.

– Что ж это, по-твоему?

– Это... (Штолец задумался и искал, как назвать эту жизнь.) Какая-то... обломовщина, – сказал он наконец.

– О-бло-мовщина! – медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. – Об-ло-мов-щина!

Он странно и пристально глядел на Штольца.

– Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? – без увлечения, робко спросил он. – Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю? Помилуй! – прибавил он смелее. – Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?

– И утопия-то у тебя обломовская, – возразил Штолец.

– Все ищут отдыха и покоя, – защищался Обломов.

– Не все, и ты сам, лет десять, не того искал в жизни».

Робко начинающий спор, Обломов неожиданно оказывается в конце его в роли нападающей, активной стороны. Штолец же переводит обломовское положительное понятие *утраченный рай* в негативное в его употреблении понятие *утопия* (дословно: место, которого нет).

В развитии спора уже он оказывается в роли победителя, еще дважды, как гвоздь, вбивая найденное им слово в обломовскую мечту.

«– Я видел Россию вдоль и поперек. Тржусь...

– Когда-нибудь перестанешь же трудиться, – заметил Обломов.

– Никогда не перестану. Для чего?

– Когда удвоишь свои капиталы, – сказал Обломов.

– Когда учетверю их, и тогда не перестану.

– Так из чего же, – заговорил он, помолчав, – ты бьешься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?..

– Деревенская обломовщина! – сказал Штолец.

– Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом...

– Петербургская обломовщина! – возразил Штолец.

– Так когда же жить? – с досадой на замечания Штольца возразил Обломов. – Для чего же мучиться весь век?

– Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере, моей. Вон ты выгнал труд из жизни: на что она похожа?» (ч. 2, гл. 4).

Обломов находит ахиллесову пяту штольцовского понимания жизни: бессмысленно трудится не человек, а муравей или пчела. Человек же никогда не может отказаться от вечного вопроса: «Зачем?» Религия, социальные теории и литературные утопии предлагают разные ответы на него. Томление Ольги в конце романа Добролюбов понимал как неумение Штольца ответить на ее духовные запросы. Бездумная деятельность оказывается немногим лучше осмысленного бездействия.

Но критика Штольцом обломовской утопии тоже оправданна. Обломов не выбирает свою философию, а оказывается ее пленником. Жизнь, проведенная на диване, оказывается подозрительно похожа на сон-смерть.

В финале романа Обломов, кажется, проигрывает. «– Прощай, старая Обломовка! – сказал он [Штолец], оглянувшись в последний раз на окна маленького домика. – Ты отжила свой век!»

Старая Обломовка действительно ушла в прошлое вскоре после того, как роман был закончен и опубликован. Все другие герои за сто пятьдесят лет хорошо уложились в свои исторические рамки и типические амплуа.

Штолец – благородный буржуа, вечный труженик идущий по своей дороге в никуда.

Ольга Ильинская – не вечная женственность, а вечная требовательность в любви.

Пшеницына – не рассуждающая, самоотверженная любовь (первоначальный набросок чеховской Душечки).

Захар – верный слуга, психологический двойник хозяина.

И лишь Обломов остается загадочно-неуловимым: то ли ленивый помещик, то ли русский человек на диване, то ли вечный философ недеяния.

Обломовщина в романе отвергнута и осуждена, но Обломов понят и оплакан. Судьба героя драматически завершена, но обломовский вопрос, поставленный Гончаровым, остался константой русской жизни.

«Обломов. В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертво-деятельных людей (Ольга и Штолец). Никакая „положительная“ деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя. <...> Антипод Обломова не Штолец, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существенному и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел!» – записывает в дневнике М. М. Пришвин в 1921 году.

Обломовщина как образ жизни, как философия пережила и крепостное право, и императорскую Россию. Обломовское «зачем?» сохраняет свое значение в вечном диалоге двух сторон человеческой души.

Вопросы «Что такое Обломов?» и «Что такое обломовщина?» всякой эпохе приходится решать заново.